

№ 3. 1914 г.

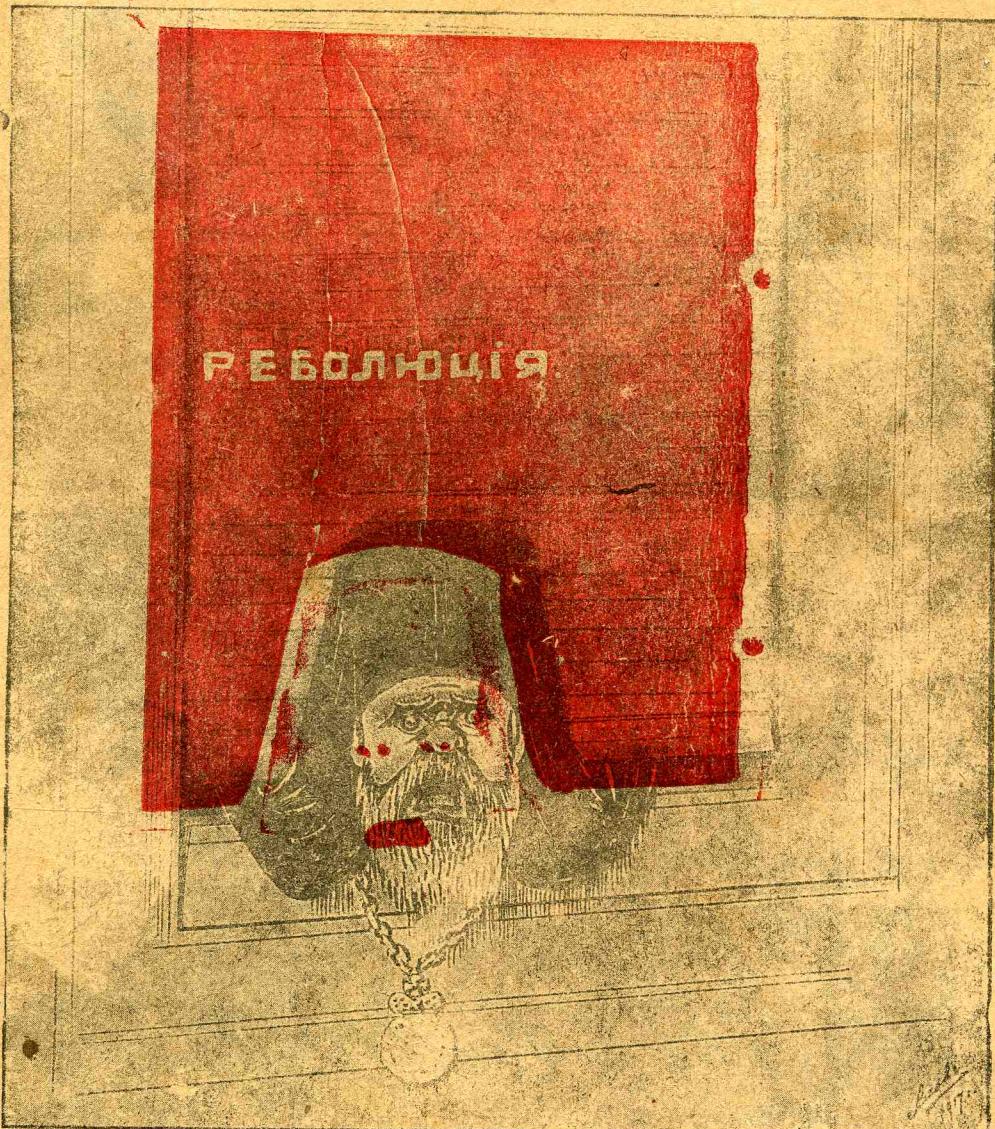
15 к.
На станц. ж. д.—
20 коп.

ТРЕПАЧ

Девизъ „Трепача“:
— Бей его,— я его знаю!!

Еженедѣльный журналъ
сатиры, юмора и вопча.

ПОПАЛЪ ВЪ НЕРЕПЛЕТЬ,

— Господи! Не спасай люди Твоя. Зачемъ Тебѣ столько хлопотъ? Спаси меня одного, мнѣ и ладно.

„ТРЕПАЧ“.

Петроградъ. Дрясти, братцы, скобари и петроградцы, симбирцы и орловцы, разанцы и тамбовцы, одеситы и нѣжинцы, колпинскіе бѣженцы, мое всѣмъ почтеніе, привѣтъ и уваженіе, съ кисточкой сорокъ! Чтобъ ходить вамъ безъ опорокъ, чтобъ вамъ ни дна, ни покрышки. Дрясти, ребятишки... Дозвольте потрепаться, опосля денатуратца и вдариться въ литературу, чтобы выѣхать политуру... Можно?.. Отчехвошиай, Евстаха!!.

Братцы! У меня мысль въ головѣ развелась и даже не одна-съ, а цѣлыхъ двѣ... Ей-Богу, въ собственной головѣ! До сего времени сколько ни хлопалъ себя по темени, ни лѣтаго не выходило, потому шкура точно у крокодила, а мозга—что начинка у пирога: мягкая, рыхлая и волглая, одно слово безмозглая...

Мотался я все времена по столицѣ на манеръ утки птицы, которая въ интересномъ положеніи, и былъ въ полномъ умиленій. Какъ это флаги красныя вѣютъ, оратели словами публику бѣрутъ, толпа народа гуляетъ и во все горло запрещенная пѣсни распѣваетъ,—а какъ, значитъ, гдѣ заслыши марсельезу, такъ обязательно въ самую гущу вѣзъ и тоже гоношу, то быть голосю на Ивановскую на всю. А глотка у меня эва,—словно у испанскаго лева поль аршина съ лѣваго, два аршина съ праваго боку (должно быть прищеку,—разъ въ участкѣ почевать оставили, тамъ и поправили!), какъ запою, такъ всѣ плюются, а нѣкоторые дерутся.

Очень, грять, ты поешь зычно, и даже неприлично, ты бы англійской соли выпилъ что-ли, или иди съ большевиками рядомъ!..

Вообще всѣ считали какимъ-то ретроградомъ передъ цѣлымъ Петроградомъ. Очень мнѣ это было обидно и отъ людей стыдно. Принадлежалъ я раньше къ „Ц. К. С. Р. К. С. Л.“ то есть „Центральному Комитету Сѣвернаго Района Колпинскихъ Сознательныхъ Лоботрясовъ“ для обиранія дачныхъ палуасовъ, а теперь почуялъ прѣть и рѣшилъ свою партію открыть.

Сообразила моя головушка чада—каряя, чтобы совсѣмъ не было на свѣтѣ пролетарія, а чтобы всѣ буржуями были и Господа Бога хвалили,—потому судите, братцы, самъ и шевели усамъ, будеть-ли много корысти въ нашей будущей жизни, ежели по Карлу али по Марксу трудиться... По моему, по умному, совсѣмъ не годится, очень это было не естественное, чтобы все было общественное: и земля, и заводы, и стулья, и комоды, и супруга (сегодня Ванина, завтра Степанина) и котъ, и рогатый скотъ, и любимая книжка, и новенькая манишка, и даже сынишка...

А лучше раздѣлить все сущее на равныя части, вырвавъ добро изъ буржуазной пасти: и будетъ у каждого домишко, собака Амишка, садъ, огородъ, рогатый кровожадный скотъ, свой погребъ и спиртной заводъ и всякое такое на потребу: и амбаръ для хлѣбу, и гумно, и рига, и умная книга, и оранжерея, и парадная живрея...

А то живи и работай со всей заботой, заработай, прожраль, поколѣль, на общественный погость попаль, а въ рай явишься—и совсѣмъ удавишься: все тамъ Карлы Марксы да Демьяны Бѣдные, да Ленины непосѣды, а своего угла чѣть...

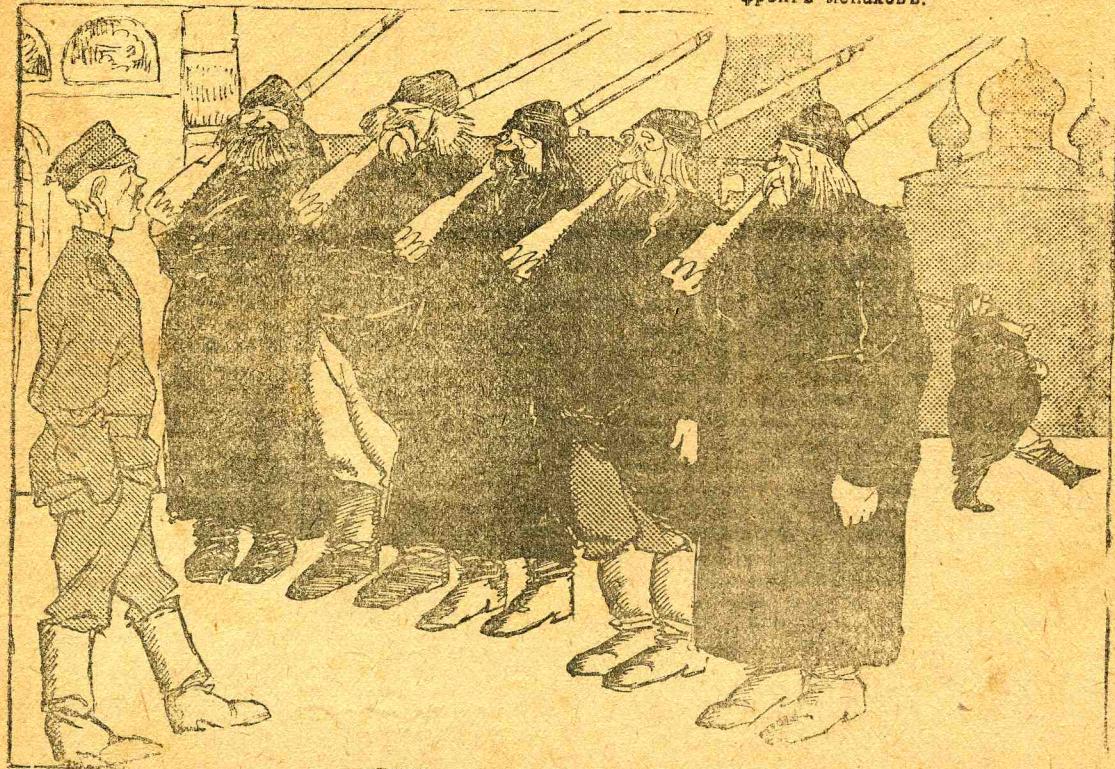
Кто хочетъ, пускай немедленно вскочитъ, подходи, записывайся въ мой союзъ, только каждый со своей рюмкой и закуской, а за ханжой по Карлу Марксу пошлемъ—сообща то ись... Подходи, ребятишки! Милости просимъ. Звенигородская, 28,

Евст. Богоявленскій.

У ч о б а.

Вся Россія требуетъ отправки на фронтъ монаховъ.

— Отче Паисій, подбери чрево! Смирно, отцы! Равненіе десную!!!

БОЛЬШАКЪ.

Ходить гоголемъ Семашка по дворамъ.
На бекрень виситъ фуражка, вся съ дырамъ.
Ходить, бродитъ съ хворостиной, сбился съ ногъ
Ходить, бродитъ за скотиной пастушокъ.
— Ты заграй, моя волынка, ой, дуда!
Собирайся-ка, скотника, во стада.
Эва!... Солнце за дубровой занялось.
Арррш, корова за коровой, живва, хоссъ...
На луга да на овражки, скотъ честной!..
Сдалъ письмо вчера Семашкѣ волостной.
А письмо-то объ тятяшкѣ...—Любо-два!
Закружилась у Семашки голова.
Плохо пишетъ дядька Павель,—грамотей,
Ишь, крюковъ какихъ наставилъ,—и попотей!
На бумагѣ на шаршавой уголькомъ:
— „Спать твой тятка подъ Митавой вѣчнымъ
сномъ.
Отъ чижолой тяткѣ доли отдыхъ данъ,—
Скрылъ его на бранномъ полѣ чемоданъ
И мое такое слово, что—трудись.
Да за Павла Мигунова помолись.“
Ишь, ты!.. Спать теперь тятяшка... Ну, и сии.
Спи,—со стадомъ сны Семашка во степи.
Сны до сиѣгу обойдется... Проживу!
Ну, а тятка, глянь, вернется къ Покрову.

Ты заграй, моя волынка, мой рожокъ...
Собирайся ка, скотника, на лужокъ.
Синя дудка моя... Ухъ я!.. Ухъ я!..
Висалуха моя... Ухъ я!.. Ухъ я!.. Евг. Вѣнскій.

У МИНИСТРА.

Спиридоновъ пріѣхалъ по земельному дѣлу въ столицу, къ самому министру.

Стъ бьющимъ сердцемъ и каплями пота на пористомъ носу остановился у подъѣзда министерского дома и, обтеревъ обь полу полушубка руку, благоговѣйно дотронулся до блестящей дверной ручки. Но дверь по волшебству швейцара отворилась безъ вся-
каго со стороны Спиридонова усилия.

— Господинъ, обратился мужичокъ къ швейцару: будьте отпомъ родными, скажите: какъ мнѣ къ ихъ превосходительству...

— Къ товаришу-министру? лѣниво перес-
просилъ швейцарь и добавилъ: теперь, милый человѣкъ, никакихъ чиновъ и господъ не существуетъ. Поэтому все равны и всѣ—товарищи и ты, и я, и министръ.

Недоумѣвая и виѣшне и внутренно, Спи-
ридоновъ въ лифтѣ вмѣстѣ со швейцаромъ поднялся въ третій этажъ.

Горничной ministra Спиридоновъ сунулъ вѣсколко бонъ и почтительно попросилъ:

— Будьте милостивы, барынъ-ка, положите
ухъ высоко... то-быть, товаришу-барину за-
шему.

— Хорошо, отвѣтила горничная: доложу. Только деньги возьмите назадъ.

— Эхъ-ма, подумаль мужичокъ: старики говорили: не подмажешь—не поѣдешь, а тутъ подмазку-то, оказывается, и сунуть не съ мѣшь. — будеть ли толькъ-то, Господь знаетъ...

Министръ принялъ его немедленно, даже не успѣлъ Спиридоновъ осмотрѣть приемную.

Быль, онъ изъ себя худой, жилистый, въ старенькому пиджакѣ.

— Безъ всякой видимости, рѣшилъ Спиридовъ.

— Товарищъ, пройдите пожалуйста, заговорилъ министръ,—садитесь, будьте, какъ дома. Да не обтирайте ногъ, Господь съ вами... Сигарку или напироусъ...

— Низвите, ваше превосход... баринъ,—мы больше на счетъ трубочки—да у васъ тутъ нельзя-же...

— Что вамъ! Пожалуйста. Махорка—это народный табакъ, и мнѣ будетъ очень лестно, если сынъ многострадального русского народа будетъ курить здѣсь свой излюбленный табакъ...

— Вы, товарищъ, конечно по земельному дѣлу?

— На счетъ земли, ваше высокопрев... виновать, товарищъ баринъ...

— Не баринъ я, а товарищъ, поправилъ министръ,—продолжайте, товарищъ.

— Къ вашей милости на счетъ... земли—бы намъ... Этта, значитъ, барина нашего, а этта—наша...

— Да, да. Вы не одинъ, товарищъ, съ такою просьбою.

Мы, ваши братья, знаемъ насущныя нужды крестьянства, и въ Учредительномъ Собрании аграрный вопросъ будетъ поставленъ въ первую очередь.

— Стало-быть, парѣзу получимъ?.. Только, ваше превосходительство, чтобы безъ-общественно было. Примѣрио, чичасъ я... Семеро ребятъ у меня, а надѣль на душу... Это рази по-боженцы. Это, стало-быть, умирать при теперешней нашей жисти...

— Будетъ, все будетъ, товарищъ. Говорю: немедленно, въ Учредительномъ Собрании... О, если бы вы знали, какъ я счастливъ, видя воочию сына русского крестьянства... Если бы вы знали, что всю свою жизнь, еще тогда, когда я ютился на конспиративныхъ квартирахъ въ Гавани, боися, какъ бы не накрыли жандармы, даже тогда, въ тревожномъ сиѣ, я мечталъ о томъ торжественномъ момѣтѣ, когда рука моя пожметъ дорогую руку свободного крестьянина... Товарищъ, дай твою честную руку, руку мученика—труженника.

Со слезами на глазахъ, министръ схватилъ руку Спириданова и началъ ее крѣпко жать.

— Баринъ, товарищъ... Христосъ съ тобой! шепталъ испуганный мужичокъ, вырывая руку.

— Эка исторія какая—думалъ онъ, вглядываясь въ восторженное лицо министра: точъ-вѣточъ нашъ урядникъ Соловьевъ. Тотъ, какъ напьется, перво-на-перво пѣловаться лѣзетъ, а потомъ начне тѣ по скуламъ ніратъ...

Но министръ спиридановскаго ліка не только не оскорбилъ, но собственноручно надѣль на мужика полушибокъ и проводилъ до двери...

Минутъ 10 стоялъ Спиридовъ у министерскаго подъѣзда съ недоумѣвающимъ видомъ. Наконецъ, машина безнадежно рукой:

— Никакой тутъ дѣйствительности нѣту...

Не министръ это, а либо—жуликъ, либо—одно слово шантрапа!. Надо бы мнѣ ему пятишницу—то ввернуть... Все бы надѣжа была... А то... пропали мои 15 цѣлковыхъ, какъ въ...

Антр. Скопинской.

ГИМНЪ ИДІОТА.

(Переводъ съ идіотскаго Кузьмы Жельзяного).
Я идіотъ! Счастливѣйшій изъ смертныхъ.
Когда похлебкой полонъ ротъ,
Тогда я весь изъ добрыхъ чувствъ инертныхъ.

Я идіотъ.

Я и-ді-отъ...

Я идіотъ! политика мнѣ чужда,
Всѣ для меня однѣхъ породъ.
Во мнѣ просты потребности и нужды...

Я идіотъ..

Я и-ді-отъ..

Я идіотъ! тамъ рѣжутся на фронтѣ,
Тутъ строятъ новый огородъ.
А мнѣ наскать!—одно—меня не троньте.

Я идіотъ.

Я и-ді-отъ.

Я идіотъ! Похрипаль сытно хлѣба,
Чиво-й то всиучило животъ..
Гей, почему наскрѣ забралось небо?

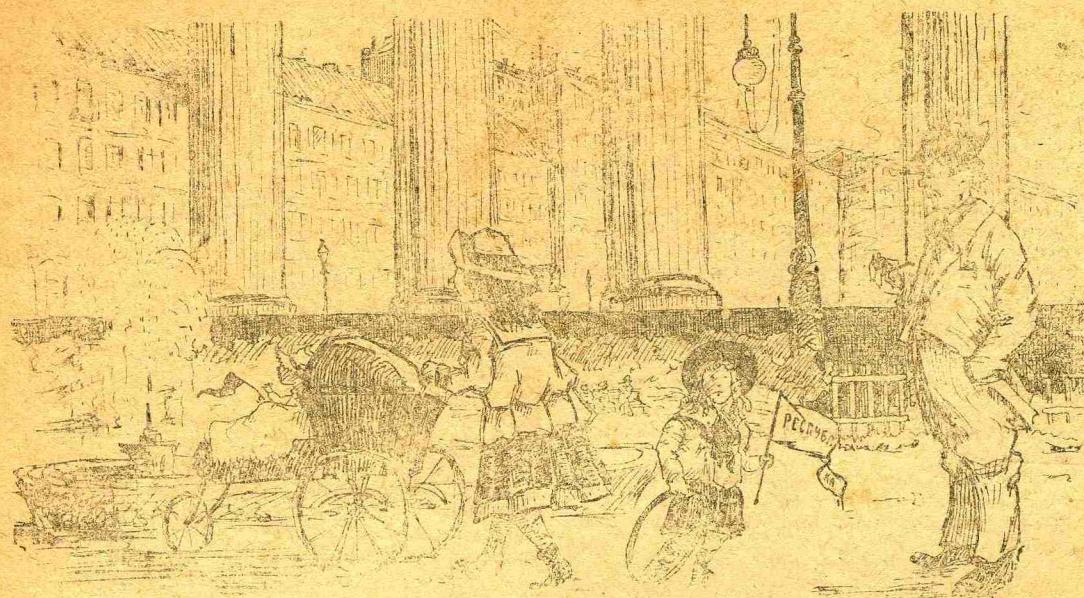
Я идіотъ.

Я и-ді-отъ.

ПОЩЛА ПЛЯСАТЬ.

— Ура! Восьмичасовой рабочій день. Говорю сегодня баринъ,—работать молъ, буду тольки отъ 8 до 8... А больше не согласна.

— Даже дѣти проклятой буржуазии не желаютъ восьмичасового дня. Десять часовъ стою и смотрятъ и играютъ! На митингъ что-ли со злости сходить или спать лечь...

ЧИСТО КАКЪ У ЛЮДЕЙ.

Солидный сень — бернарь, вставь на кучу мусора, глухимъ басомъ пролаяль.

— Прежде чѣмъ приступать къ обсужденію волнующихъ, насы вопросовъ позволю себѣ сказать вамъ, товарищи — граждане, искольколько словъ по существу данного момента. Мы все — собаки и стремление въ жизни у насъ одно — служеніе человѣку. Но до сихъ мы шли къ намѣченной намъ самой судьбой или разными путями, что очень иначе отражалось на нашемъ личномъ благосостояніи.

Цѣль настоящаго собрания — выработать мѣры къ нашему сближенію въ пыльныхъ устремленіяхъ общими усилиями препятствій буде онъ встремится на наше пути къ достижению блага какъ человѣка, такъ и насы лично.

— Слово принадлежитъ товарищу Жуку. Предсѣдатель сходитъ съ кучи мусора и его мѣсто заступаетъ дворянинъ Жукъ.

— Товарищемъ желичего, то въ разсужденіи нашего общаго дѣла, не иначе какъ крышка, потому, товарищи, и говорю, тонкъ надо чтобы вмѣстѣ нашетъ жратвы и сукъ когла. Жисть наша — сущее это самое, воинче, гордяни дѣло и такъ — что все тутъ. И никакихъ гвоздей.

Одобрительно залаяли дворняги, остальные молчали.

Входить ирландскій сестеръ Амурь.

— Товарищи — ищите и обрящете, ибо нѣхъ — первое дѣло, а тамъ все само приложится. Когда вы идёте по горячему слѣду дунпеля то какъ можно осторожнѣй дѣйствуите, и не особенно торопитесь, потому онъ всегда такъ напутаешь, что чергъ ногу сломить. Крѣпко „зажимается“ стервецъ и не выпустить пока его рыломъ не сколупишь. Не бросайтесь на

убитую дичь.. Никакой пользы не будетъ, если вы ее разорвете потому что ходинае васъ отлучаетъ или ошейникъ съ гвоздями одѣть да и хлѣба не дастъ. Чтобы крѣпче стойка была, а остальное все приложится. Я больше ничего не имаю сказать. Ниухъ и стойка!

Одобрительно залаяли один лишь ирландскіе сестера.

— Слово принадлежитъ Ту ику, лайнулъ предсѣдатель.

Фокъ — ѡсерръ бойко началъ:

— Все сказанное предыдущими эраторами — чопуха. Ниухъ — конечное дѣло, нужень, а насчетъ дунпеля, то все едино: дунпель или кошка. А по моему кошка даже веселѣй. И не единимъ хлѣбомъ собака сыта бываетъ чо и печенкой, и легкимъ. Относительно сукъ — тоже чопуха. Сука сань-бернарской породы — дылда противъ меня. И въ этомъ все сказано. Но по моему все дѣло въ хвостахъ. Пусть у всѣхъ будутъ отрублены хвосты и равенство — готово. И такъ — „долой хвосты!“

Восторженно залаяли фокъ — террьеры.

— Слово принадлежитъ товаришу Жоржипу.

— Господа товарищи! Началь пудель: — Какъ справедливо изволили замѣтить ихъ превосходительство господинъ предсѣдатель — мы все собаки. Исходя изъ этой точки зреинія, я представитель умѣренно правой фракціи домашнихъ псовъ позволю напомнить вамъ, что въ настоящее время было бы весьма желательно и своевременно кореннымъ образомъ преобразовать все, что касается нашего внутренняго уклада жизни. Но какъ на это посмотреть чловѣкъ?

— И такъ, не вдаваясь въ особый пересимимъ, и онъ безъ крайняго отними ма, мр

бы хотѣлось сказать нѣсколько словъ о той задачѣ, что должна быть рѣшена у насъ въ ближайшую очередь. Намъ необходимо исходатайствовать у Ихъ Величества, господиша человѣка, чтобы она на насъ стригъ подъ льва и чтобы давалъ достаточное количество сахара, но въ мѣрѣ не нарушающей правильнаго обмѣна веществъ нашего организма, какъ такового.

О питательности сахара можно сказать то, что...

— Короче, короче!—раздалось ворчанье наиболѣе нетерпѣливыхъ псовъ.

— Я не буду больше говорить о сахарѣ, ибо это вами всѣмъ въ достаточной мѣрѣ известно, но, съ разрѣшенія господъ товарищѣй, позволю привести нѣкоторую научную справку о шерсти. Шерсть—это источникъ блѣха и мусора, мѣщающаго дыханію нашего организма... и

— Довольно, долой!—закричали всѣ.

— Два слова, товарищи.

Долой шерсть какъ вредный элементъ мѣщающій...

— Долой! довольно!

— И да здравствуетъ сахаръ!

Умѣренно—восторженно залаяли пудель,

— Слово принадлежитъ товарищу Милорду.

Выходить догъ.

— Граждане! Не спрѣдливо замѣчаніе, что собакѣ собачья честь.

Чѣмъ мы хуже людей... Мы такие же полноправные космосы какъ и онъ-и значить дедой его тиранію и владычество. Пусть всякий живеть по своему и тогда воцарится царство царственнаго осмоса—индивидуа. Долой всякую власть и...

Въ это время кто то изъ окна выбросилъ кость, и догъ не докончивъ рѣчи кинулся за костью.

Весь митингъ съ лаемъ и рычаньемъ бросился къ догу и началась грызня. Шерсть летѣла клочьями.

Воцарилось царство царственнаго объединенія.

Кузьма Желѣзный.

НОВАЯ ЖИЗНЬ.

— Бывало это тащить тебя фараонъ, отъ самого пахнуть лукомъ и кислой шерстью. Въ участіи—грязища, пылища, грубятини... А теперь—волочить тебя образованный.. студентъ медицинскаго сверхъ-естественнаго факультета, и въ участіи всѣ тебѣ на "вы" и за руку здоровкаются... Образованность.

СТОЛИЦА И УСАДЬБА.

Столицы нѣтъ... Усадьбы—тоже...

Оно тае... Не болѣо гоже.

А въ общемъ—что-же...

Очень радъ.

Вивать, монъ шеръ, рабочій братъ.

„ХХ ВѢКЪ.“

Бутылки... трапки... Халатъ... халатъ...

Много прозы, рисунковъ, стишатель...

Ташки суды, кто чего хотить:

Богельманъ деньги плотить...

СУДЪ И ЖИЗНЬ.

Судъ—Суда и Жизни—плоховатый судъ.

Жизнь—Суда и Жизни—глупости сосудъ.

ВЕСНА ПОТОМУ ЧТО.

Впотьмахъ по черной лѣстницѣ пробѣглись наугадъ, къ Аринушкѣ—прелестнѣй пришелъ лихой солдатъ. Тихонъ звякнулъ шпорами и кашлянулъ въ кулакъ...

Спѣшить прыжками скорымъ она на тайный знакъ. Для нихъ площадка темная теперь милѣй всего... Ариша мѣтеть томная и слушаетъ его. А онъ клянется, божится, обнявши станъ рукой...

Аринушкѣ не можетъ подъ ласкою такой Ариша улыбается, а онъ-то, маковъ цвѣть, женившись обѣщается...

— Омманетъ али нѣтъ?..

Темно. Воняетъ кошками, капустою гнилой. Ахъ, счастье хоть бы крошками собрать такой весной! Впотьмахъ на черной лѣстницѣ, кипучъ, какъ водопадъ, съ Аринушкой прелестницей цвѣтутся солдатъ.

Хозяйка смотрить, хмуrirтся, домой идти велитъ...

Солдатъ идетъ по улицѣ и шпорами звѣнитъ...

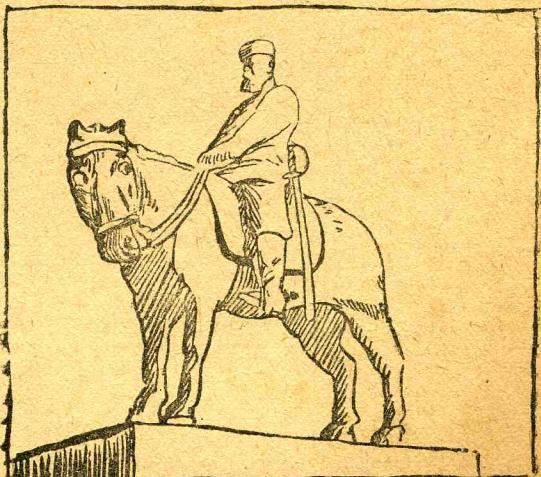
Евг. Хохловъ.

ВОЛЯ.

Марсельеза... Краснофлажье...
Всюду—солница, всюду жизнь...
Злое сердце, сердце вражье,
Вольной волѣ покорись!
Развѣ можно строить морю
Сѣть искусственную преградъ?
Въ морѣ—сила! Морю вторю.
Слышу радостный набатъ,
Вижу чудо!—Марсельеза...
Всюду воля, всюду жизнь!
Звонъ цѣпей и звонъ желѣза
Съ гимномъ радости сплелись.

А. Крайской.

Ленинецъ.

— Слушай, ты, уйдемъ-ка отсюда по доброму—по здоровью. Обидно: то мнѣ на хвостъ бутылку привязутъ, то въ зубы флагъ сунутъ... Уйдемъ, а?..

— Подожди. Я на большевиковъ надѣюсь. Еще можетъ Николашка вернется.

— Прикажете, господинъ, все лицо одеколономъ?

— Нѣтъ, только въ ротъ.

ОГОРЧЕНИЕ.

— Да, братъ Митричъ, чуть въ комиссариатъ не угадилъ я для Свѣтлаго-то Праздничка. И все изъ за ее, подлой... Я тѣ это буквально разскажу—всю, значить, нашу подноготную жисть... Вѣдь другая бы, стерва, сочувствіе имѣла, что мужъ ее—человѣкъ съ благороденіемъ... Ей-ей, какъ родной отецъ былъ для ее... Ублажалъ ровно котъ какой кошку... Э, да разъ бабы это въ понятіе беруть. Природа Евиная такъ фальшиво устроена... Такъ вотъ, какъ я снюхался съ ей, года 2 взадъ, такъ она мнѣ и то и се набарабанила: „я, дескать тебя перваго любовью своей питаю, ты, моль, не сумлѣвайся, что я портновскаго происхожденія, а я честная и скромная, что твоя проститутка изъ пенсіона“... Однимъ словомъ, спѣла мнѣ цѣлую арію французскаго напѣва... Но я, конечно, особой то вѣры ей не давалъ, потому по виѣшнему устройству видно, что по части соблазна-то не послѣдней въ хвостѣ была, ну да думаю, и я вѣдь не монахъ какой ряскофорный... И такъ значить, обокрутился я съ ей, какъ полагается. Свадьбу сыгралъ, честь—честь... На другой день свадьбы вдругъ является столяръ (въ одномъ дворѣ онъ съ нами жилъ)... Да... Приходить этта со двора, а окно-то у меня—внизу, въ первомъ этажѣ. Приходитъ и, не говоря худого слова, береть полѣно и ну по окнамъ гулять. Пять переплетовъ разбойникъ высадилъ... „Что, да какъ? По какому иправу такая насилиствѣнность?..“ „А по такому, что ты мою невѣсту отбилъ. Она, гритъ, за меня иди замужъ клятвенно обѣщала“... Что за причта? „Вотъ, думаю и проститутка безвинная“... Пощупалъ ее легонько. Ну, въ слезы, конечно. „Точно, гритъ, была такая моя дѣвическая неаккуратность. Только я, гритъ, теперь энтаго столяра не признаю, потому тебя, гритъ, одного обожаю“... „Ну, думаю, чортъ съ тобой, поживемъ—увидимъ“... Такъ... Столяръ уѣхалъ опоевъ. Попло у насъ житье чинно-благородное... Такъ прожили до виѣшней Пасхи... Таперича, значитъ, на 2-й

день праздника пошелъ я къ куму, проздравить... Кума не засталъ дома.. Прихожу къ себѣ... Только этта въ двери внеря, а павстрѣчу—столяръ, энттотъ ейный полюбовникъ-то. Сгрѣбъ я его „По какому ты, говорю, недоразумѣнію въ отсутствіе мужа къ евонной женѣ притацился?..“ „Я, гритъ, не къ ей, а къ тебѣ въ смыслѣ сапоги. Сшей, другъ, сапоги“...

Ну, а я конечно, не вчера родился—знаю, какими сапогами пахнетъ. А онъ таково нахально глаза выпутилъ и словно ни въ чёмъ не причиненъ... Не вытерпѣль я евоннаго нахальства: „Ахъ, ты, говорю, песь—распублика проклятый!..“ Да какъ врѣзаль ему въ самый евонный профиль. Да потомъ вторично уже по шейной части. Столяръ—бѣжать... Входжу въ комнату, а она сидитъ себѣ молча, точно о ней тутъ никто ничего... Я ей: Такъ, говорю, матушка. Долго это будетъ? Сначала обмань, потомъ—измѣна, а потомъ полная развращенность...—А она: „Теперича, гритъ, женское одноправіе и потому я могу принимать въ гости—кого хочу... Да и праздникъ таперича—Христосъ воскрес... Таперича всѣ визитами другъ дружку проздравляютъ. „Я те, говорю, проздравлю“... „Ну, это, гритъ, насліе личности—этта можно было пристаромъ строѣ, а теперь неприконосвенность“... „Ахъ, ты, говорю: гадина одноправная!..“

Да какъ почаль басы нажимать: „вотъ тебѣ, говорю, одноправіе, а вотъ—неприконосвенность. А вотъ тебѣ и Христосъ и воскресе. А она какъ запоетъ: „Я къ комиссару пойду жаловаться!.. Я тебя въ Петрапаловку засажу... Я, гритъ, за тобой убийственное дѣло открою“... Ну, тутъ, перестаѣшь, те, думаю, къ лѣшему—натворить баба и вپрямъ дѣловъ“... Да и страшновато стало „выхаживать“ то ее очень, потому, изъ себя она хлибкая, а во мнѣ-то силенка настоящая физическая... Ушелъ я опять къ куму. На этотъ разъ засталъ его дома... Сболтанули честь-честью... Такъ вотъ, Митричъ, какое это опасное женское званіе. Ни за что съ бабой пропадешь, ей-ей!..

Да еще это одноправіе—проклятое, тѣфу... Совсѣмъ житья нѣту нашему брату.

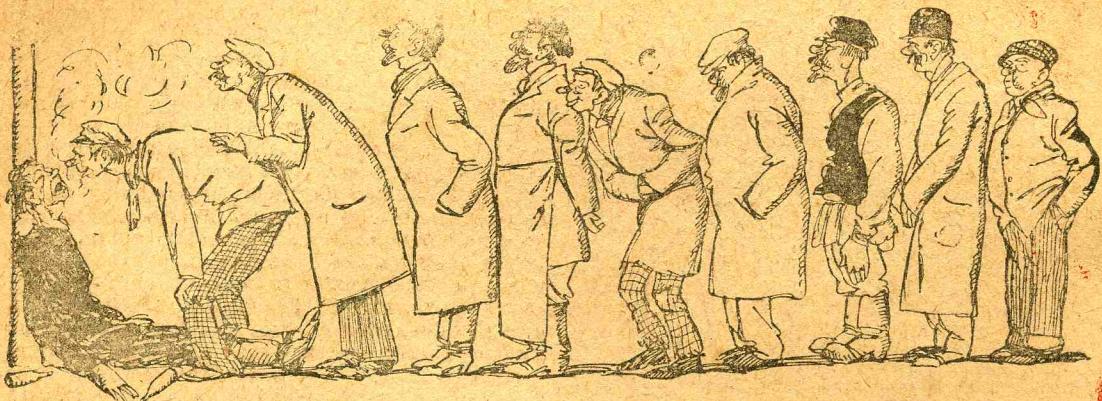
В. Андреевъ.

ПРИВѢТЬ, „ТРЕПАЧУ“.

Треплись, „Трепачъ“, съ улыбкой ясной,
Не унывай, Треплись „Трепачъ“!
Ты всѣмъ по брюху, другъ прекрасный,
Какъ нечестивѣшій калаѣ.
Весна, красавица—Свобода
Послушать рада „Трепача“,
Шута великаго народа,
Свободы яркаго луча.
Твой день пришелъ, „Трепачъ“ народны!
Большая власть тебѣ дана.
И пусть твой голосъ благородный
Звучить, какъ звонкая струна.

Раб.—елесарь И. Гузевъ.

— Способились все таки винного запаха понюхать...

— Эй, тамъ, передний! Понюхаль и отходи. Не одинъ ты тутъ. Каждому лестно!

АЛЯ АНАРХИСТКА.

(Стихъ для тѣлесънцы.)

Мы, Аля Первая и пр., и пр.

Найти изволили, что идти въ васъ пути,
А по сему, мозгой немножко поворочая,
Повелѣваемъ вамъ немедленно прийти.
И если вы ко мнѣ не явитесь въ теченіи,
Хотя въ теченіи послѣднихъ двухъ часовъ,
То напишу тогда я актъ обѣ отречений
И днѣръ свою для васъ закрою на засовъ."

Сия монархия ютилась гдѣ то около
Куличъ чертовыхъ, но это нипочемъ,
И вѣрно поданный, ея быстрѣе сокола
Помчался, прыгая резиновымъ мячемъ.

— Я передъ вами, ваше скверное вели-
чество!
У вашиихъ ногъ кладу конфектъ противныхъ
фунтъ.

— Не важно качество, не важно и вели-
чество.

Мы, Аля Первая, превозглашаемъ бунтъ.—
Скажите, гдѣ это до нынѣ пропадали вы?
Ага-а?—работали, не спали день и ночь!
Да, да, я вижу что ланиты ваши палевы,
Но я не вѣрю вамъ!—Уйди, измѣнникъ, прочь!
Уйдите, слышите? уйд... Постой куда же ты?..
Ну вотъ?.. уходишь?.. Но, а я васъ не пущу!

Мгновенно всѣ уколы сердца были за-
житы

И я отыскиваю вѣшалку плащу...

Сплетая тонкую поэзию съ трапезою,
Звенѣла въ кѣтѣ канарейка у окна—
И эти трели раздавались марсельезою...

Илескалась на сердцѣ горячая волна.
Дымила Аля дѣловито папироскою,
Улыбка Алины влекуща и остра.
На стулѣ маленькомъ съ котенышемъ
—Матроскою

Сидѣла инокиней Алина сестра.
Журчала Аля:—что не могутъ же монарха тѣ
Признать, кто сердцемъ вольной птицей урож-
денъ!—

Глаза горѣли, какъ алмазъ на черномъ бар-
хатѣ

И я, конечно, былъ на рабство осужденъ.

Сердца горѣли упоительными гимнами,
Стремились слиться два пылающихъ костра,
Но мы боялись быть особенно интимными;

Мѣшала этому Алюсины сестры.

— Однако, долго я болтаю тутъ нелѣ-
пости
Пора,—двѣнадцать... Досвиданья, ухожу.

— Ну нѣть, постой! Ты есть Распутинъ
и... и въ крѣпости

И я теперь уже тебя не пошажу.
— Пойми же, Аля, говоришь совсѣмъ
не скромно ти-

И насъ не двое... Да меня и дома жить...
— Но я не выпущу тебя изъ этой ком-
наты

Я анархистка и безъ всякихъ разныхъ тутъ
Разбушевалось анархистское величество

Капризный взглядъ сталъ деспотически ко-
лючъ

Задорно Аля погасила электричество
И заперла кѣтушку—комнату на ключъ.

Себя я чувствовала сконфужено не
истово

Смѣялась Аля прехитрѣющей лисой
Шуршало что-то шелковисто и батистово,
Прошелъ по комнатѣ какой то духъ босой,
Пошлась въ руки кто толегонѣй младенчески,
Прильнуло что то раскаленное къ тубамъ.—

И я, я сдался идеально пораженчески.
Сестра Алюсины не видѣла мой срамъ

Она уснула у окошка безмятежная.
Но анархистѣ Аль было не до сна..

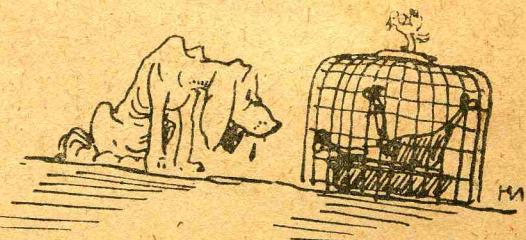
— Ура!! Да здравствуетъ анархія безбрежная!

И какъ условная монархія прѣсна!

М. Стронинъ.

СОВѢТЬ БЛИЖНЕМУ.

Коли тебѣ живется плохо,—
Слюны на прочихъ не точи;
Побѣшь съ картофелью гороха—
И тихо—смирно поурчи.

Что съ кѣмъ будеть черезъ 10 лѣтъ.

Ник. Фѣмановъ, хозяинъ погребка въ Лон-
донѣ.

— Вамъ рому? Перецовки? Въ пятакъ или гри-
венникъ? Мальчикъ! Капусты приготевь!

А. Вырубова, хозяйка пансіона въ Парижѣ.

— Дѣвушки, въ залу! Гости пришли!! Поживѣе,

стеръвы!

Пролетарій Демьянъ Бѣдный, дирек-
торъ общественного завода.

— Рабочіе пришли? Гони къ черту!

Леонидъ Андреевъ (профессія съюзодная).

— Подайте, милостивцы. Сапожникомъ и мала-
ромъ быть не умѣю, а писать Демьянъ апгрей-
дить... Говорить, что я буржуй...

ИЗЪ ПРОШЛАО.

Выпиль малость ха, ха, ха,
Дудить на сердцѣ веселье.
Пей вино—живое зелье
Милой станетъ чепуха,
Пьянымъ море по колѣно;
Проглотивъ вина и пива
Страстныхъ кажется—полѣно,
Розой кажется крапива.
Пей вино!—Живое зелье
Разожжетъ въ душѣ веселье!
Братъ, мы подобны нищимъ,
Что то ждемъ, чего то ищемъ,
Нустро чрево—въ сердцѣ грусть...

— Ну и, пусты...

Пей вино

Все равно

Насъ съѣдять въ грѣдущемъ слизни,
Краски, сказки этой жизни
Ярче дѣлаетъ оно.
Прошли золотые денечки
Я пиль и „бордо“ и „клико“..
Теперь же мозольной примочки
И то получить не лекко

Шланка.

ЧТО ТЫ БЫЛЪ И ЧТО СТАЛЪ...

Лѣтъ пять тому назадъ въ деревнѣ Успенкѣ пожарный староста Захаръ Криворылый вѣль со мною бесѣду:

— Это што ж у ти—... али что?

— Нѣть... такъ... значки—я учусь въ лѣбо-
номъ институтѣ.

— Иши—учищся... И небось на разные
языки?

— Приходилъ и языки.

— А по киргизки можешь?

— Нѣть.

— А Ванька культипій можетъ! Онъ въ киргизахъ лѣтъ пять работникомъ жилъ.. А на кого ты учишся—на попа, али на дохтура?

— На ученаго лѣсовода.

— А на попа, стало быть, не можешь...
Хорошая должность: подаяніе тебѣ и спи сколько хочешь, а дѣловъ—чуть... А на шви-
циара можешь?

— Т. е. какъ на швейца?

— Ну то есть въ банкъ, али въ клубъ..
Громадный доходъ. Архипа вонъ, рукой не достанешь. Тыщи въ карманѣ и лавочкой. Съ мальчиковъ въ энту науку вдарился. За паштросами и за полной спачада... а самъ ни-ни! Кремень человѣкъ. Небось и геевъ попадало: шутка скажи, дескать, куда въ ученьи. Тотъ за уши, другой за уши...

— Меня никто не трогалъ.

— Шутишь, небось... А колы?

— Это на бумагѣ ставятъ, чернилами...

— Ужъ, конечно, сначала на бумагѣ, а потомъ на спинѣ. Нашъ урядникъ, тоже, сначала на бумагѣ, а потомъ нагайкой. А я бы ни за какія тыщи не согласился.

— На что?

— Вотъ на эти самые колы и на безъ-
обѣды. А правда, Семенычъ, что ученый на-
родъ лягушекъ лопаетъ?

— Вздоръ.

— А говорять, лопаютъ... И про тебя гово-
рятъ, будто задня ножки въ маслѣ и съ кар-
тофлю потребляешь.

— Глупости!

— А бабка Анисья горшокъ то разбила.

— Какой горшокъ?

— А молоко ты у нея изъ горшка пилъ
Она его обѣ поль и вдребезги. Не нужно, гово-
ритъ, мнѣ лягушиной посуды.

— Дура.

— Нѣ... у насть народъ смирный. Подальше-
отъ грѣха уходитъ... Говорять, вы ученые и
въ Бога не вѣрюете...

— Ну что за вадоръ вамъ разсказываютъ..

— Да ужъ тамъ какъ хочешь, а покеда-
прошай. Баба моя у воротъ стоять и мор-
гааетъ: со великимъ моль прощалыгой разгова-
риваешь, а у тебя семь человѣкъ дѣтей.

• • • • •
Не давно изъ Успенки я получилъ письмо,
въ коемъ говорилось:

— Прочуть меня въ Учредительное
Собрание. Тады у васъ въ Питерѣ и уви-
димся...

Милиционеръ Захаръ Криворылый

И. С. Лаптевъ.

СЪ БАЛКОНА.

— Товариши! Объявляемъ бойкотъ това-
ришу Степанову. Онъ перешелъ въ приспѣш-
ники буржуазии. Онъ измѣнилъ дѣлу больше
вистской фракціи. Товарищи! Степановъ вчера
ходилъ въ баню. Ей-Богу!!

ПОНЯЛА.

— Баринъ; чай куда подавать?

— Телерь, Маша, я не баринъ. Телерь всѣ
равны... Баръ больше нѣть.

— Да неужто?! Въ такомъ разѣ иди—ка вы-
чисти мнѣ ботинки. Не прокладайся толькó...

Суeta суетъ...

— Былъ коллежскимъ регистраторомъ... Носиль-
мундиръ... Уповалъ на пенсію... Бралъ приношенія...
И вдругъ!! Кто я теперъ? Мундира нѣть, пенсія не-
будетъ, приношеній тоже,—а самое главное—чин-
званія лишился... Одно теперъ—подъ заборъ...

Идеалистъ.

— Кого бы это сегодня обыскать?.. да спиртишку бы найти.. Полиціймейстромъ бы сдѣлали.. А тамъ бы снова спиртишку найти... Губернаторомъ бы сдѣлали...

КРУГОВОРОТЪ.

Часто снился Варъ усь.
Глупый былъ у Вари умъ.
Нѣкій архиваріусъ
Варю светъ въ „Акваріумъ“.
Были „Жакъ и гусь его“
Сверхъ—очаровательно,
Ну, а „Марья Лусьевъ“
Прямо замѣчательно.
Ничего подобного
Варя и не нюхала.
Съ хохоту утробного
Зала такъ и ухала.
Жался очарованно
Черный къ щечкѣ Вари усь,
И шепталъ взволнованно
Варъ архиваріусъ:
— Милочка... Варюшечка...
Сехну Карлемъ въ Вѣнѣя...
Я готовъ вѣсъ, душечка,
Взять на иждивеніе.
Помогать-же, Варя, вамъ
Буду очень часто я...
И горѣла заревомъ
Физія уастая.
Сильно былъ нафабренъ усь.
Душу выжегъ Вари усь.
Былъ съ лица, что Гамбринусъ,
Душка-архиваріусъ.
Три четвертыхъ годика
Пролетѣло съ хвостикомъ.
Родила уродика
Варенька подъ мостикомъ.
Злой попался Варъ усь.
Глупый былъ у Вари умъ.
Дѣлывій архиваріусъ
Лизу велъ въ „Акваріумъ“,
Рока(не позѣвывалъ).
Исполнялъ велѣніе:
Честно утрамбовывалъ
Плотность населенія...

Евстаشا.

НА УЛИЦѢ.

— Кээжъ я сеини оному по купполу сбъва-
совѣстиль! А самъ винта.
— За что?
— А за то, что грамотный. Значить, бур-
жуй... Такъ и спесь съ коньтъ.
— Молодецъ!

* * *

— Въ меня фараонъ цулей пустилъ, време-
въ ность цѣлиль.

— А какъ ты живой?
— Передо мной большевикъ былъ, такъ
она ему въ лобъ—и отскочила.

* * *

— Думаю въ ленинцы податься...
— Съ чего это?
— Да мозгой лѣнъ работать.
— Такъ ты въ тюленинцы иди.

ПО СУСАЛАМЪ.

АК. БЕРДНИКОВЪ.

(„Поэтъ“ изъ „Правды“).

Его нигдѣ не „принимали“..
Писать стихи—не легкій трудъ...
Тамъ правдой парня доконали,—
И въ „Правдѣ“ ходу не даютъ.

ДЕМ. БѢДНЫЙ.

Онъ къ банѣ злобой пишеть,
Сморкается въ кулакъ.
Но говоритъ, какъ пишеть,
А пишеть, какъ гусакъ.

НАХАМКЕСЪ.

(Ю. Стекловъ.)

Онъ не на мѣстѣ, какъ хотите,
Съ чѣго-бы по юркому уму,
По горлу, рѣзвости и прыти
Не быть мишуресомъ ему.

Рубаха парень

— Уфф! Эй!
Что-съ?
— Стаканъ воды?
— Еще что?
— Зубочистку!
— Кромѣ?
— „Трепачъ“?
— Нѣть-съ...
— Почему?
— Воруютъ, —
каждому дома лестнѣ
показать...
— И-не достать?
— Подписьтай на-
де. А то не хватаетъ...
— Г’м!

ПО ДРУЖЕСКИ.

(В. М. Пане-Братцеву).

Ей Богу, было-бъ менѣше зла
И всѣмъ жилось бы вво какъ мило,
Когда-бъ не братская была
А Пане-братская могила.

Сер. М.

Домовый уполномоченный.

Охъ дѣла, дѣла, ребята,
Прямо хуже не сыскать.
Ишь, открыли демократа
Квартиранты дома 5.
Выбирали комиссаромъ.
Ну и выбрали, скоты!..
Вонъ теперь весь домъ съ базаромъ—
Всъ зовутъ меня на „ты“.

То вотъ карточки раздай имъ,
То заботься о дровахъ...
Да еще не вѣрять...—Знаемъ
Мы буржуевъ при очкахъ.

Что ни слово—самодурство...
На-кось, дворникомъ иди
Подъ ворота на дежурство,
За порядками слѣди.

Изъ квартиры 104
Манька Шлюха всю-то ночь
Ржетъ въ квартирѣ, что въ трактирѣ,
Съ трепачами во всю мочь.

Въ пятой льется политура
Въ третьей—спиртъ—денатуратъ...
Нѣть не вынесеть натура,—
Я хотя и демократъ.

Н-нѣть, каковъ въ пашь вѣкъ безвѣрья
Исторический скандалъ:
Изъ профессоровъ теперь я
Прямо въ дворники попалъ.

Типунъ.

УЛИЦА ФАБРИЧНАЯ.

Улица изъѣзженная, улица исхоженная,
Фабрика, оградою желѣзной загороженная,
И дома съ домишками, съ храмами, соборами
И дворцы богатые съ шелковыми шторами;
Мелкота фабричная, въ чердакахъ ютимая,
Видѣлъ васъ разъ тысячу, пробѣгая мимо я.
Видѣлъ стѣны толстые, и душа сроднилась,—
Вѣдь, на этой улицѣ фабрика дымилася.
А на этой фабрикѣ я знакомъ съ ткачихою,
Съ Дунею красавицей, съ дѣвушкою тихою,
И когда фабричные свистки раздавались,
Голодомъ палимые люди разбѣгались
Въ чердаки съ подвалами лавою огромною.—
Я встрѣчался съ Дунею, съ дѣвушкою скром-
ною.

Словно солнце весеннее, Дуня улыбалася.
Жизнь настѣ грѣла ласками, словно пиръ ка-
залася.

Ни заботъ, ни горюшка, нѣть тогданезнали мы
И сидѣли до свѣту двое у завалины.
Улица изъѣзженная, улица исхоженная...
Всѣ дома съ палатами, камнемъ огороженные
Спять съ людьми богатыми, важными и сытыми
Знатными персонами, знатно-именитыми,
Но не спить окраина: люди разбѣгаются
Въ корпусы фабричные за работой маяться.
Знаю: моя Дунюшка, дѣвушка желанная,
Ткать бѣжитъ на фабрику сонная, румянная;
Знаю: ей и въ голову мысль нѣдѣль гнету-
щая,

Что работа въ коринусѣ—это мука сущая...

Мих. Артамоновъ.

„ТРЕПАЧУ“.

О, не жалѣй духовной пищи,
Давай ее и не пиши.—
И Богъ тебѣ привалить тыщи,
Чтобъ каждый день имѣль тыщи.

У АДВОКАТА.

Является типъ. На лѣвой скулѣ—рефлек-
торъ.

— Что угодно?—спрашиваетъ адвокатъ.

— Гы! ай не узнали?

— Извините, не узнаю.

— Вона! А въ прошломъ то году... такъ
есть въ безсрочную закатили бы меня, и то
всего на три года.

— Ивановъ? обрадованно восклицаетъ хо-
зяинъ.

— Такъ точно.

— Садитесь, пожалуйста.

— Покорнѣйшѣ благодаримъ, мы и такъ.

— Чѣмъ могу служить?

— Въ деревню я ъду, такъ съ вашей лич-
ности пятьдесятъ цѣлковыхъ.

— За что?

— За свободу.

— Течѣръ настѣ безъ васъ выпустили, а
между прочимъ за защиту вы взяли 50 мон-
етъ.

Адвокатъ начинаетъ распинаться и до-
казывать, что амнистій уголовнымъ не было,
что имъ все равно придется огноживать.
Убийцы при любомъ строѣ не могутъ оста-
ваться безнаказанными.

— А политическіе?

— Эго дѣло другое.

— Ну такъ сдѣлайте меня политическимъ,
тогда прошу пятьдесятъ рублей.

— Не могу, голубчикъ, вы за убійство су-
дились.

— Ничего. Дѣла мои въ окружномъ сго-
рѣли. Напиши, что защищалъ меня по поли-
тическому дѣлу, а я пойду въ партію и пач-
порь на агитатора достану.

И. Лаптевъ.

ЖИВОЙ ТОВАР

Шура Пяточкинъ рѣшилъ красной горкой спрятать бракъ и для этой цели спилъ по послѣдней модѣ фракъ, и въ чудесный день воскресный, разодѣтый въ пухи—прахи, Шура Пяточкинъ прелестный полетѣлъ къ знакомой свахѣ.

— Такъ и такъ, голубка—молодъ... Ну и все такое..—кровь.. сердце бѣется, точно молотъ... Словомъ—дѣвку мнѣ изловъ.

— Хи, дѣвицу? Преотлично! На примѣтѣ есть одна. Кстати ихъ папаша лично здѣсь.—Добрѣйшій старина.

Шура Пяточкинъ къ папашѣ. —

— Дѣло видите ли въ чемъ. Нонече дѣвицы наши—не заманишь калачемъ. Имъ подай богатство, знанье, все такое, этакъ—такъ. Вотъ вѣдь я и не дуракъ, но одинъ,—конечно скучно. Потому ищу супругу. Съ нею знаете-ль сподручно; и окажется мнѣ услугу, такъ и такъ, и все такое—я же молодой парнишка. Черезъ годикъ смотришь двое, или же одинъ сынишка—этакій—такой плутышка....

Тутъ папаша держитъ слово.

— Разсуждаешь ты толково. Помогу тебѣ и Шурка: есть навыданіи дочурка, только видишъ ли бѣда-то—озорка была когда-то, чу оно и обломалась въ озорствѣ—буйство малось.

Молодая кровь понятно. Ну влюбилась съ скучу. Ласки, встрѣчи съ нимъ—запятно. Онъ тяжелый былъ на руку и надѣлъ ей дефекта въ состояніи аффекта.

Алексаша—вѣрь не вѣрь—зубы вышибла о дверь, ухо правое того, глазу, нѣту одного.

Разошлась съ самимъ извѣстно. „Съ нимъ, гритъ, жить не интересно“ а теперь, слыши, подъ вѣнецъ хочеть дочка—сорванецъ.

— Подавай, гритъ, тятя, мужа, безъ него гритъ, мнѣ—капнуть; жисть пуста, на сердце... стужа... Сладость гименейскихъ путь мнѣ поможетъ оживиться. Я, гритъ,—хрупкая дѣвица.

— Надѣли эти ахи,—я пошелъ къ знакомой свахѣ. Тутъ и ты явился кстати. Повѣчайся съ ней касатикъ! Триста тысячъ я даю и уродину свою!

Шура Пяточкинъ свирипо произнесъ, вставая въ ростъ:

Предложеніе цѣльно. Вы папаша очень простъ.

— Триста тысячъ и урода!—Триста тысячъ мнѣ куда? Пусть невѣста хоть безъ рода, но красива, мѣода, этакъ, такъ и все такое—образованность—пустое. А вѣдь съ этакой супругой смерть не трудно учинить! Завопиши такой болѣгой....

— Это можно починить. Вставить зубы ей и глаза, красить голову парикъ—будетъ женка—ананасъ. Правду говорить старикъ.

Нонѣ каждая дѣвица, смотрѣть—во-какая птица? А раздѣнь ее, попробуй?—возмутишься всей утробой.

Красота ихъ тѣль и только.

Ну такъ что же Шура, сколько? Набавляю тысячу дѣвѣсти. Цифра круглая—пятьсотъ.... Слышаль я такія вѣсти, что ты дѣлъный и не мотъ, а съ деньгами да смекалкой, жисть не будетъ чтили жалкой. Ну а коли ты тверезый—познакомись съ дѣвой—грезой.

Шура Пяточкинъ подумалъ.

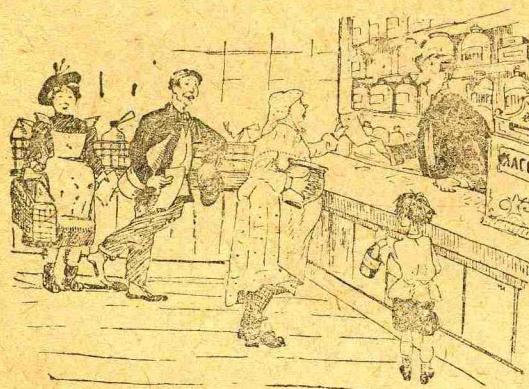
— Не рѣшаться дуракамъ. За деньги перенесу—моль.

И ударилъ по рукамъ.

Кузьма Щуниковъ.

Кустари.

Въ аптекахъ не хватаетъ посуды. Просить приносить свою.

— Дай мнѣ, милай, глазныхъ капель на 10 к., только пузырька я не нашла, а вотъ горшокъ у меня. Капусты въ емъ немножко, такъ это, чать, ничего, она не едовитая...

ЕНЦИКЛОПЕДІЯ „ТРЕПАЧА“.

(Читателямъ въ назиданіе).

Ст. 1.

О мордобое въ частности.

Ударить, побить, губить, вѣхать, врѣвать, стукнуть, стегануть, звѣздануть, влитъ, плеснуть, плохнуть, полить, смазать, заѣхать, по стропиламъ, въ закусочную, въ варѣшку, дать по карточкѣ, по маскѣ, по вывѣскѣ, по циферблату, въ разборъ, въ переборъ, заѣхать въ буркы, въ зенки, въ очки, между свѣчъ, дать по сопильнику, по сопаткѣ, по рупору, по хоботу, по фуфлыгѣ, перепубрить, давнуть гармонь, прописать шейной мази (или пластиры) благословить, перетасовать, причесать, пробхать по взводу, дать по сапкамъ, прожить, перекрасить вывѣску, припаять, наклеить, всыпать, обжечь по стропиламъ, загнуть салазки, накатить по кумилу, зашандалить, звякнуть въ сиворешникъ, угадать въ плевательницу, засунуть, зателенинть, запузырить, засвѣтить, пымякнуть, настасить фонарь, затеплить, съ катушечкъ смахнуть, съ копытъ долой пустить квасъ растворожить, колѣнкой по митревину, наподдать, кокнуть, насыпать въ сахарницу, садннуть, намылить, вздрючить, накидать...
(Ст. 1. ст.—о вышивкѣ).

КАРТИНА.

Въ одну изъ безсонныхъ лунныхъ ночей, когда блѣдные лучи въ окна заглянули—вспоминанія счастливыхъ дѣтскихъ дней ароматомъ весны на меня пахнули. Я вспомнилъ: отецъ купилъ картину. Она была—ни плоха, я прекрасна... На лугу—стадо коровъ, зеленая тина въ узкой канавкѣ. Небо—темно-красно... Но въ первый же день, когда стало темно и закатыя пятна на стѣнѣ багровѣли, лаская картину—мнѣ показалось: давно, давно я видаль, какъ луга темнѣли и таяли лучи въ небесахъ, и зеленѣла грязная тина и шли коровы.. И я шепталъ, въ слезахъ: „О, я тебя знаю давно, картина!“..

И я полюбиль ее страстно, она дорога мнѣ стала навсегда.. О, какъ я страдалъ ужасно, силясь припомнить: гдѣ видаль ее и когда?..

Плыли годы... Мнѣ тринацдцать лѣтъ. Я уже учился въ школѣ. О картинѣ воспоминаній иѣть—я не замѣчалъ ее на стѣнѣ болѣ...

Однажды на концертѣ я былъ съ отцомъ—ходили малолѣтнаго слушать музыканта. Весь городъ вохихался юнымъ скрипачемъ, газеты кричали о чудесахъ таланта.. Помню, публика въ концертномъ залѣ ждала нетерпѣливо его появленія. Многіе „браво“ первно кричали. Казалось длиннѣмъ часомъ каждое мгновеніе. Но вотъ онъ на эстрадѣ... Длинно-волосый, худенький мальчикъ.. Смущенная улыбка.. Встрѣчу ему потокъ стоголосый ринулся и замеръ... Запѣла скрипка... Пѣла тихо-тихо, какъ поетъ въ храмѣ святую молитву юная дѣва. Изрѣдка аккорды громовыми голосами разрывали нити тоинаго нальва. И снова струились волшебные звуки, снова торжественно дѣва молиласъ. И было жутко за дѣтскія руки, съ которыми скрипка такъ близко сроднилась...

Но что это? Сонъ?.. Вдругъ забытая картина воскресла въ волнѣ мощнаго раската. Вотъ—лугъ.. Канавка съ зеленою тиной.. Аккордъ—и небо въ багрецѣ заката. Плачетъ скрипка—коровы бѣлѣютъ. Картина встаетъ въ глазахъ—какъ живая: и лужайка, какъ тамъ—неровно зеленѣеть: гдѣ—темный, гдѣ ярче. О, картина ролчная!..

И я будто что-то вѣникое позналъ.. Словно спутанная нить ра визалась... О, я картину ранише въ звукахъ видаль—оттого она мнѣ всегда знакомой казалась...

Но... смолкло все. Будто что-то упало.. Ито-то прекрасное тихо уходило. То мгновенія греза нѣжно исчезала и плача, душа оставалась молила...

И грустно стало—словно дѣтство—ушло.. Да, это оно ушло—я хорошо созналь. И мнѣ стало такъ тяжело—будто я драгоценный алмазъ потеряла.

И теперь въ серебрѣ лунной ласки тихая русть къ сердцу прильнула...

Зачѣмъ не вѣчны лазурныя сказки? Зачѣмъ греза дѣтства скоро промелькнута?..

Андрей Солнечный.

ПЛАМЯ СВОБОДЫ.

Подъюнины крутый бездарности
Журиаль поджабрила въ полонъ..
Не отъ Руси ли благодарности
Ты ждешь, Коринфскій Аполлонъ?

НОВЫЙ САТИРИКОНЪ

Похожъ на мокрую ворону,
Сердито ножками дрягалъ,—
Работалъ онъ на оборону,—
И Вилли жуликомъ ругаль.

Пришла пора „Сатирикону“
Пришелъ великому чередъ,—
Плюетъ на Бога на икону
И павшихъ—еволочью зоветъ:

ВСЕМ. НОВЬ.

Вѣка прошлаго новинка
Депотопной эры новь—
Александр. рынка
Неизмѣнная любовь.

ПУЛЕМЕТЬ.

Графоманія... Пометь
Безъ костей язычной мягкости
Кой тутъ къ черту Пулеметъ,
Тутъ мортира мерзко пакости.

НА УЛИЦѢ.

— Пардонъ, милостисдаръ... Прошу, жезу при, одну сотую минуты для бѣзды характера конфиденціального, и—регарда...

— Жертва соціальной неустроенности и прочихъ аномальностей жестоковыїнаго бытія, — бывшій штабсъ-капитанъ россійскаго арміи.—Отлеговъ-сь... Ручку-сь... Презабра гаете-сь?.. Атлично!.. Лѣйстителъно, въ умаленіи человѣческаго подобія и бѣзъ всякої видимости, свойственной конгломерату человѣческой цивилизациі..

— Но здѣсь!.. Здѣсь!.. Подъ бренной оболочкой бѣться жестокими ударами горячее сердце и взываетъ къ человѣчеству!..

— Иммажина-ву, —дворянинъ,— и безъ та баку!.. Можно сказать,—животъ на алтарь жертвованъ, служа, но втуне: нѣть правды на землѣ, и вообще...

— Позвольте, милостисдары!.. На одну сотую минуты!.. „Ампопе“?.. Истина! Обыдномъ умоляю!.. Но безъ пренебреженія! Какъ равному! Ву компренѣ,—дворянинъ и тому подобное?

— Ровно семнадцать!.. Ни сантимомъ болѣе! Лишь семнадцать на хвостъ на пол фланкона денатуралистической влаги.. Беру и благодарность приношу. Знаю и чувствую умаленіи своеемъ: милостыня и подача! Но, милостисдары, вспомните Велизарія! „Сорокъ вѣковъ смотрять на насы!..“ „Заложимъ женъ и дѣтей!..“ —Пойдутъ на доброе дѣло... Ради сиротъ...

— Дворянинъ, и—безъ вечерняго деженъ?

— Милостисдарь,—благодарность и, живу манъ пардонъ,—меррси боку!.. О-рревуарръ!

Свиная щетина.

ХАМЕЛЕОНСТВО.

Диву даются Хамелеоны
Уткнувши носы въ кипы газетъ:
Какъ не догадались фараоны
Принять, какъ и вѣ — красный цвѣтъ?
Всѧ Русь объята багровымъ пламенемъ
На каждой груди — свободы знакъ:
Вотъ сподвижникъ „Русского знамени“
Торопливо щѣть фригийскій колпакъ,
Прижатый къ стѣнѣ, генералъ — увѣряетъ:
Цвѣтомъ, мои браты, было за вѣсъ
Смотрите, смотрите, какъ ярко сверкаетъ
И въ томъ, свободы, республиканскій лам-
пасы!..
Сѣнновецъ, что вчера съ воинственнымъ
кликомъ
Всѣхъ родовъ бунтарей отправлялъ на тотъ
свѣтъ
Нынѣ и чревомъ и мѣднымъ ликомъ
Глиситъ: Я — эсь — эрь, эсь декъ и кадетъ!..
Подозрительный типъ въ пальто, цвѣта гор-
роха
(Онъ всегда таился въ невѣдомой тьмѣ)
Крестясь, говорить съ облегченнымъ вздо-
хомъ:
„Охъ, шесть лѣтъ просидѣль „за идеи“ въ
тюрьмѣ!..
Пастыри церкви вмѣсто „аллилуи“
Непремѣнно хотятъ „Марсельезу“ пѣть...
Мародѣръ пыткитъ: „Я народъ балую“
И въ мысляхъ не имѣю его нагрѣть...
Вертятъ хвостами хамелеоны:
„Ну, ей Богу намъ дали сто очковъ!..
Только одни дураки фараоны
Не замѣтили краснаго цвѣта съ чердачовъ!..

В. А. — въ.

ОТЪ РЕДАКТОРА.

Желая прийти на помощь начинающимъ художникамъ, беллетристамъ и поэтамъ, прошу присыпать мнѣ свои произведения. Лично принимаю отъ 6 до 8 веч. въ ред. „Маленькой Газеты“ (Звенигородская, 28). Юмористы будутъ встречены съ духовой музыкой на парадной лѣстницѣ.

Е. Богоявленский.

Почтовое отдѣленіе „Трепача“ (Отвѣчаетъ на всѣ вопросы и даетъ все- возможные совѣты.)

Я. З. Не подлизывайся. Думаешь, похвалию-
моль „Трепачъ“-аиль и напечатаютъ... Дудки! Юмористу Г. С. П-ву. Ежели бы ты былъ соро-
кой, взять бы тебя за хвостъ и вдарить о
печку за этакіе твои стихи. Но ежели хвоста
у тебя нѣть — живи. Нат. Уц-ъ. Посытай. Не-
приличное уважаемъ особенно. Гражданину
Ѳ. Т. Думаешь, разъ свобода, такъ письмо
со стихами и безъ марки дойдетъ? Роковое,
непоправимое заблужденіе. Ландышу. Про-
баришень и кавалеровъ Охтинскаго кладбища
напиши подробнѣ. Это ужасно важно. Одну
рукопись намъ, другую въ Совѣтъ Министъ-
ровъ. Не позабудь, ради Бога. Работницамъ
Смѣялся, милла, будемъ надо всѣмъ положи-
тельно. Кощунства безусловно не будетъ. Вы
путаете обрядность съ религіей. Садите
письма и еще. Слесарю Шуркѣ. Между городо-
выми милиционерами никакой разницы. Жа-
лованье, отсрочка, 8 ч. труда. Въ окопахъ —
гранаты, а тутъ шинки, здѣсь, въ тылу многое
безопасное. Пиши. Пестесъ.

Почто-редакторъ „Трепача“.

Принимается подписка

на еженедѣльный журналъ сатиры, юмора и быта

ТРЕПАЧЪ.

Реклама — двигатель литературы, но не таковъ „Трепачъ“, чтобы рекламировать себя по чёмъ зря, въ родѣ какого Одоля, Мозолина или Пиксафона. Скажемъ только скромно, что „Трепачъ“ въ данный моментъ лучшій изъ всѣхъ прозывающихся еженедѣльныхъ журналовъ по силѣ сатиры, по мѣткости юмора и бытовой наблюдательности. Онъ не издѣвался надъ подохшимъ старымъ режимомъ, надъ поверженной шаттой дворца, надъ ничтожными фараонами и министрами. Пускай могильщики скалятъ зубы, и выдѣлываютъ кѣкъ-увѣисты загагулины надъ трупами навшихъ враговъ, какъ издѣвались они въ свое время надъ ничтожными трусомъ Вильгельмомъ, съумѣвшимъ завоевать всего на всѣго какихъ-то пять шесть столицъ.

Передъ „Трепачемъ“ живая жизнь съ ея неизбѣжными черными сторонами, съ хамствомъ, горлопанствомъ, авантюризмомъ, шуллерствомъ, глупостью, пошлостью, фараонствомъ, мертвичиной, распоясанностью, идеиной хулиганствомъ и прочимъ наследственнымъ багажомъ стараго порядка.

Вотъ, гдѣ поприще широкое! Знай, работай да не трусы! Ну, „Трепачъ“ и постараєтъся... А рекламироваться что-же. Неподходящее это дѣло, чтобы рекламироваться.

Въ „Трепачѣ“ принимаютъ участіе писатели и поэты:
и художники.

Приглашены въ участіе писатели и поэты:

М. Андреевъ, М. Артамоновъ, Евг. Вѣнскій, Н. Вержбицкій, В. Воиновъ, И. Груз-
девъ, Кузьма Желѣзный, А. Крайскій, И. С. Ломакинъ, Ив. Лаптевъ, Ю. Кручина, Г.
Литвинкій, С. А. Короткій (дядя Михей), С. Михѣевъ, Н. Г. Поздняковъ (Ухтомпевъ),
Ан. Солнечный, М. Н. Савояровъ, М. Стронинъ, П. Романскій, Маленький поэтъ, Женя
Фартовый, Франтъ съ Плуталовой, Евг. Хохловъ, Н. Юрьевъ, Толя Барочный и мн. др.

У КОГО ЧТО БОЛИТЬ.

Фрейлина В.—Ничего, ничего, мессье, я на стремѣ. Играйте въ сиятцы
Сухомлиновъ.—А? Что? Миѣ сдавать? А сколько вы мнѣ за Петропавловку дадите.
Протопоповъ.—Да не крѣпость сдавайте, а сиятця. Черта сдашь теперь крѣпость.